О двух компанейщиках — Иване Веселовском и Михайле Савине — биографических сведений найти не удалось. Об Иване Рыбникове известно лишь, что он был тяглецом Кадашевской слободы. Наконец, у остальных четырех (из общего числа четырнадцати) книг не оказалось, поэтому мы и не будем останавливаться на этих лицах. Во время составления описи в 1738 г. из перечисленных десяти компанейщиков четырех — А. Иконникова, Г. Трофимова, И. Веселовского и И. Короткого — уже не было в живых.

Материалы описи дают возможность судить об обстановке в домах компанейщиков и о составе их имущества. Характер обстановки заметно изменился по сравнению с XVII в. Главным украшением комнат попрежнему остается «красный угол», увешанный иконами в дорогих ризах. Но кроме них на стенах появляются западноевропейские новинки, чуждые купеческому дому предшествующего столетия: картины и зеркала. Вместо поставцов и лавок мы видим шкафы и стулья, обитые кожей, вместо простых столов — китайские «кабинеты», т. е. бюро или секретеры. У стен стоят в деревянных футлярах часы «с боем». В шкафах много стеклянной, фарфоровой и иной посуды, среди которой обращают на себя внимание «турецкий кофейник», чайники «с конфором»,[9] чайные чашки с блюдцами. В столовом обиходе полотенца вытесняются салфетками. В перечне гардероба также характерно смешение старорусской одежды с западноевропейской: наряду со старинными шубами и кафтанами упоминаются новомодные камзолы с кисейными и полотняными «калстуками», вязаные чулки, встречаются даже портупея и шпага. В женском туалете телогреи и душегреи перемешиваются с немецкими бостроками, юбками и шлафорами, непременной принадлежностью костюма становится незнакомый для XVII в. корсет. Все реже встречается кокошник — его вытесняет модный «чепец» с лентами.

Такой же характер сосуществования новизны со стариной имеет и состав библиотек компанейщиков. В описях имущества десяти перечисленных компанейщиков помещены и перечни имевшихся у них книг, причем они непосредственно следуют за описью икон: это указывает на то, что они считались большой ценностью. Всего насчитывается в десяти библиотеках 299 книг. Количество их у отдельных владельцев колеблется от 11 до 70.

Книги были духовные и светские, русские и иностранные, печатные и рукописные. При составлении описи обязательно указывалась цена книги, причем учитывалось ее состояние (в отдельных случаях делалась пометка: «ветха»), большею частью указывался формат («в лист», «в четверку», «в осьмушку»). Гораздо хуже обстоит дело с обозначением автора и заглавия. Первые далеко не всегда называются, а вместо точных заглавий часто даются ходовые, привычные в быту, например: «указные книжки», «Шведское замирение» (манифест о заключении мира со Швецией), «Судопрения книга».[10] Особенно неточно, иногда с большими искажениями, описывались книги переводные. Так, например, сочинение Полидора Вергилия Урбинского «Осмь книг о изобретателях вещей. Преведена с латинского на великороссийский язык в Москве и напечатаны...» (1720) названо: «Конфидор Вергилия». Книга Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» дана без обозначения автора, а «Летопись»

[9] «Конфор» — прибор для кипячения воды, состоявший из спиртовой лампочки с таганчиком, — предшественник самовара, который появился лишь в конце XVIII в.

[10] Вероятно книга: Краткое изображение процессов или судебных тяжеб против римскоцесарских и саксонских прав, учрежденное от Эрнста Фридриха Кромпейна..., СПб., 1712.